

С. А. Кабатов

Первичный анализ обрядовых действий, связанных с рождением ребенка, в среде сельского населения Костромского Поволжья XIII–XVIII вв.

Цель данного исследования заключается в попытке проведения первичного анализа комплекса обрядовых действий, связанных с рождением ребенка, в среде сельского населения Костромского Поволжья в золотоордынское и постзолотоордынское время, то есть в период формирования и фактического сложения собственно русского населения в изначально исконно финно-угорских (мерянских) землях. Актуальность определяется в первую очередь тем, что носители этого пласта духовной культуры естественным образом исчезают, как и сами обрядовые действия, а мода сегодняшнего дня на этническую составляющую, как правило, носит популистский и псевдонаучный характер, что стирает реальную природу этих обрядов. Основными итогами работы являются, во-первых, условное выделение на основе качественного содержания и хронологической последовательности определенных обрядовых действий, объединенных между собой в этапы, преследующие конкретные частные цели; во-вторых, проведение качественного анализа каждого из этих этапов. Подобный анализ дается с поправкой на историческую идентичность и характерную особенность этнического развития территории Костромского Поволжья развитого и позднего средневековья.

Ключевые слова: ребенок, рождение, повитуха, крестины, кум, кума, принятие, защита, ограждение.

S. A. Kabatov

The Primary Analysis of Ritual Actions Associated with Childbirth among Rural People of the Kostroma Volga Region in the XIII–XVIII centuries

The purpose of this research consists in attempt to carry out a primary analysis of the complex of ceremonial actions concerning the child's birth in the environment of rural people of the Volga Kostroma region in pre- and post- Golden Horde period, that is during formation and actual addition of really Russian population in originally Finno-Ugric lands. Urgency is defined first of all by that carriers of this layer of spiritual culture which are naturally disappearing, as well as ceremonial actions, and the today's fashion on the ethnic component, as a rule, has populist and pseudoscientific character that erases real nature of these ceremonies. The main results of the work are, firstly, conditional allocation on the basis of the qualitative content and chronological sequence of the certain ceremonial actions, united among themselves into stage, pursuing specific private goals; secondly, carrying out of the qualitative analysis of each of these stages. The similar analysis is given with amendments for the historical identity and characteristic of ethnic development of the territory of the Kostroma Volga region of the developed and late Middle Ages.

Keywords: a baby, birth, midwife, christening, a godfather, a godmother, acceptance, protection, fencing.

Обрядовые действия, связанные с рождением ребенка, на основании хронологической последовательности, качественного содержания и функциональной нагрузки можно разделить на три основных этапа.

Первый этап – период с того времени, как будущая мать узнает о своей беременности, и до начала самих родов, точнее, до приготовления к ним; второй этап – с приготовления к родам и непосредственно сами роды; третий этап – обрядовые действия, связанные с только что родившимся ребенком и до исполнения ему одного года. Подобное выделение поэтапности характеризуется критериями функционального содержания, участием в них определенного постоянного коллектива и временных людей, необходимых для проведения определенного обрядового действия.

Серия мероприятий, связанных с беременностью, содержит множество обрядовых действий, предписаний и запретов, призванных воздействовать на будущую рождаемость детей, их число, пол, внешний вид, характер, способности, судьбу, а главное, направленных на то, чтобы облегчить предстоящие роды и защитить от злых сил (безличностных или персонифицированных) мать и ребенка.

Беременная женщина издревле почитается как олицетворение плодородия¹, ей приписываются магиче-

ская сила, охранительные и другие благотворные свойства. С другой стороны, беременность считается состоянием опасным, и даже нечистым. Опасность, исходящая от беременной женщины, по народным представлениям, была связана с присутствием в ней двух душ и с ее близостью к возможной границе жизни и смерти. Отсюда многочисленные запреты, ограничения в поведении беременной женщины, направленные на защиту ее и будущего ребенка.

Особенность первого этапа – тщательное сокрытие беременности от окружающих с целью удачного разрешения родов. Следствием этого является почти полное отсутствие данных о форме и порядке обрядовых и магических действий, природа которых, тем не менее, носила охранительный характер. Основное назначение этого этапа – сохранение роженицы и будущего ребенка.

Второй этап начинался с приготовления к родам и включал непосредственно сами роды. В этот период фиксируется следующий круг лиц: роженица, повивальная бабка, ребенок, присутствие мужа (отца) обязательно. Для данного этапа характерны обряды, сопровождающие появление ребенка на свет, и очистительные обряды, совершаемые над матерью и новорожденным. Роды на территории Костромского Поволжья

обычно проходили вне жилого помещения: в бане, хлеву – это объяснялось распространенным у русских людей представлением о сакральной нечистоте родов, роженицы и новорожденного. В основе этих поверий лежало мифологическое понимание акта рождения, который связывался с «иным миром» и из которого приходят в наш мир, неся с собой нечистоту и враждебность «того света» [21, с. 25]. Такая позиция неожиданно нашла поддержку в православной религии, осуждающей греховность зачатия и сами роды.

Как правило, сами роды скрывались от незамужних девушек, в особенности от старых дев, а также от злых и хитрых людей [5, с. 243]. Часто роды принимала бабка-повитуха [12, с. 145; 6, с. 319], свекровь или мать роженицы, которые обязаны были знать практические приемы для облегчения родов, могли использовать лекарственные травы, главным образом усиливавшие схватки и кровоостанавливающие, умели определить состояние здоровья роженицы и новорожденного, выправить головку, вывихи или грыжу.

Следует отметить, что при достижении поставленной цели повитуха использовала весь имевшийся в ее распоряжении арсенал магических ритуалов, как христианских (окуривание помещения ладаном, обрызгивание святой водой, чтение молитв), так и более древних, сохранявшихся в народной среде еще с языческих времен (обрезание пуповины, захоронение плаценты)². А действие, связанное с обмыванием ребенка, с точки зрения мифологии, происходило как смывание всего природного, что ребенок принес с собой из потустороннего мира. Обряды, исполняемые в первые дни после родов, должны были обеспечить ребенку долгую жизнь и здоровье. Особое внимание уделялось ребенку, родившемуся в семье, где «не держались» дети.

Практическая помощь всегда сопровождалась различного рода магическими действиями [12, с. 145–147]. Все они совершались по принципу подражательной (имитативной) магии, основу которой составил принцип, названный Д. Д. Фрезером [20, с. 205] «законом подобия»³. Так, при трудных родах развязывали все узелки на одежде роженицы, распускали волосы, раскрывали все двери, задвижки в печах, ворота, поднимали крышки сундуков, ларей, в особо тяжелых случаях просили открыть Царские врата в алтаре церкви [16, с. 587; 6, с. 320]. Думается, что в основе данных действий угадываются два основных момента. Первый – человек воспринимался как единая целостная замкнутая система, своего рода микрокосмос, а в случае с роженицей эту замкнутую систему необходимо было разорвать, открыть, чтобы «выпустить» новорожденного; второй – для того чтобы помочь роженице, совершали определенные действия, связанные с открытием, развязыванием чего-либо⁴, которые магическим образом могли бы спроецировать на процесс желаемый результат. Часто в подобных случаях роженицу заставляли перешагивать через мужа⁵, метлу, коромысло, кочергу⁶. Здесь роженица, переступая, перешагивая через предметы,

олицетворяющие некое темное начало, зло как бы отталкивается от него, противопоставляя себя ему.

Совершившиеся роды и особенности послеродового функционирования организма женщины заставляли окружающих считать ее нечистой [15, с. 182; 6, с. 319]. В связи с этим первое время роженица находилась в относительной изоляции – дома за загородкой или же вместе с новорожденным в бане [16, с. 577]. Срок этой изоляции зависел от местных традиций и семейных обстоятельств родившей. Убеждение в нечистоте роженицы, вероятно, отчасти базировалось на древнем суеверном отношении к «женской» крови, отчасти на соответствующих жестких ограничениях христианской церкви, регламентирующих религиозную жизнь в «нечистый» послеродовой период (как и в период месячных очищений). По народным представлениям, необходимо было провести ритуальное очищение от «послеродовой скверны». Для этого приглашался священник, который читал специальную молитву в том помещении, где проходили роды; тогда же устраивали обряд, называемый «размыванием рук». Качественное содержание этого этапа – охранение роженицы и новорожденного и пожелание на будущее.

Третий этап включает обрядовые действия, связанные с ребенком после рождения и до года. Если описанные ранее обряды, связанные с рождением ребенка, совершаются в строжайшей тайне и в интимном кругу, то следующий акт, напротив, характеризуется участием всей общины. Цель последующих обрядов – введение ребенка в общину (крещение [11, с. 129; 10, с. 95; 2, с. 18; 17, с. 17], крестный обед [6, с. 323; 4, с. 10; 12, с. 113; 11, с. 129; 3, с. 24], постриг ребенка и др.) и закрепить новое положение роженицы в общине в качестве матери. На данном этапе совершался и закреплялся социальный переход из одной половозрастной группы в другую. С появлением ребенка менялся статус родителей – жена переставала быть «молодухой», менялись ее костюм и род занятий. С появлением внуков свекра именовали дедом не только в семье, но и в деревне, что также предписывало ему новый тип поведения.

Выделение данных этапов, как уже отмечалось выше, основано на хронологической последовательности совершаемых действий и происходящих событий, на своеобразии качественного содержания и функциональной нагрузке проводимых мероприятий, на участии в этих действиях определенного постоянного коллектива и временных людей (на первом этапе – роженица, бабка-повитуха; на втором – роженица, бабка-повитуха, новорожденный, иногда муж; на третьем этапе – роженица, ее муж, новорожденный, бабка-повитуха, кум с кумой и вся община) и, в последнюю очередь, на основании использования тех или иных предметов⁷, олицетворяющих либо конкретных людей и область занятий, либо определенные силы⁸. В свете упоминания последних интересно определение их символизма и смысловой нагрузки. Так, из предметов в комплексе данных обрядовых действий часто фигурируют одежда или части одежды (ткань), волосы⁹,

шерсть, прялка, веретено (дерево), ткань, дым (оберег), топор, нож (металл), соль, яйцо, вода, каша. Материал, из которого сделаны эти предметы, имеет немаловажное значение:

– *Металл* с периода раннего железного века у всех народов несет, кроме прочего, охранительный характер, а если это еще и колющие и режущие предметы (топор, нож, и проч.), то здесь допустимо использование нового качества – отрицания, деления, ограждения¹⁰.

– *Дерево* в данных обрядовых действиях, как правило, – нейтральный элемент, здесь играет роль только то, какой это предмет, его функционал, принадлежность.

– *Вода* – в народных верованиях одна из первых стихий мироздания, источник жизни и средство магического очищения¹¹. С принятием христианства и утверждением христианских догматов качественное содержание ее восприятия не меняется, меняется только внешнее оформление ее использования. Так, особенно широко практиковалось использование святой воды (крещенская вода, освященная во время специальных молебнов, взятая из «святых» родников или полученная в результате соприкосновения с различными предметами христианской атрибутики).

– *Ткань*, если это использование частей одежды определенного человека, является олицетворением своего хозяина и выступает в качестве своего рода его «представителя», «проводника», через которые можно воздействовать на этого человека.

– *Пояс* (подпоясывание) – в народных представлениях источник жизненной силы, в том числе и для ребенка, использовался в качестве оберега. Суть оберега заключалась не столько в самом поясе, сколько в той форме, которую он принимал после подвязывания, – здесь образуется целостная замкнутая, законченная система, не имеющая ни начала ни конца, своего рода кокон, ограждающий его владельца, находящегося внутри, от возможных внешних воздействий.

– *Яйцо* – начало всех начал, символ возрождения и плодovitости, по народным представлениям.

– *Волосы* – в народных представлениях сосредоточение жизненных сил человека, они символизируют, как и *шерсть* (мех, шкура), множество, богатство, изобилие, счастье. Кроме того, волосы – это, как в случае с одеждой, несомненный атрибут определенного человека, через который можно на него воздействовать.

– *Соль* наделяли двойственным эффектом: укрепляющим, придающим твердость и одновременно защищающим от порчи, сглаза, отгоняющим любую «нечисть».

– Магическое использование *дыма* (окуривание) является способом защиты от болезни, нечистой силы. Думается, что использование дыма здесь подразумевало *огонь* – вторую важную природную стихию, обладающую очистительными свойствами; сам дым в этом случае является производным от него. Использование дыма подразумевало присутствие здесь огня¹².

– *Каша* («бабина каша»), фигурирующая на крестинах ребенка, понималась, в первую очередь, как плодovitость, урожайность, целостность, благополучие, а сам обряд, где она применялась, был призван обеспечить новорожденному счастье, здоровье и быстрый рост, а женщинам – плодovitость.

Функциональное назначение использования предметов в каждом конкретном случае обрядового или магического действия различно, но это всегда только предмет достижения определенной цели.

Обряды, связанные с рождением ребенка, часто основаны на магических представлениях и приемах. «Беременная женщина была объектом суеверий, примет, с помощью которых окружающие и сама роженица старались предугадать судьбу ребенка и повлиять на формирование его физических и духовных качеств. ... Перед родами повитуха принимала различные предохранительные меры против «сглаза» и «напуска». ... Обрезание пуповины, первое купание обставлялось суеверными действиями. ... Угощение отца пересоленной кашей в день крестин, вероятней всего, принадлежит к группе обычаев, объединенных общим названием «кувада» (вера в тайную связь между отцом и ребенком)» [1, с. 40]¹³, как и вторичное использование воска свечей или рубашки [18, с. 129], применявшихся при крещении младенца [7, с. 138]. Эти и другие примеры свидетельствуют о том, что обрядовые действия, связанные с рождением ребенка, по природе своего происхождения имеют сложную систему различных духовных и мировоззренческих начал, суть которой отражает схема так называемого «троеверия» [8, с. 319; 9, с. 36]. Взгляды сельского населения на рождение ребенка в свете продольного среза динамики поступательного хронологического развития сформировались на базе практических знаний, древних представлений об устройстве мира, жизни и смерти и православного верования.

По сути, фактически все обрядовые и магические действия данного обрядового комплекса имеют охранительные функции, направленные на ребенка [19, с. 72], роженицу, родителей в целом и, частично, саму общину, куда принимается ребенок. Задачу сохранения и укоренения ребенка можно было выполнить в том случае, если следовать системе правил, созданной не одним поколением людей. Эти неписанные правила, передававшиеся от одной женщины к другой, включали практические советы по уходу за ребенком на основе народного опыта и рекомендации религиозно-мистического характера.

С определенной долей условности и поправкой на территориальные особенности, сформировавшиеся в результате специфики этнического развития края, представляется возможным констатировать высокую степень схожести обрядов, связанных с рождением ребенка, в среде сельского населения Костромского Поволжья с общерусской и, шире, общеславянской обрядностью, как на уровне ритуальной практики, так и на уровне традиционных верований и представлений. Подтверждением тому служат многочисленные описа-

ния родильного обряда, содержащиеся в трудах как дореволюционных, так и современных отечественных этнографов и собирателей «живой старины». Родильно-крестильный цикл отражает общепринятую для русских структуру и содержит три последовательных этапа, включающие обычаи и обряды, предшествующие родам, собственно роды и последующие, связанные с этапами очищения и социализации. В дальнейшем в жизни ребенка выделяется несколько этапов, получающих обязательное обрядовое оформление, но не входящих в рамки данного исследования. Они связаны с физическим и психическим развитием: появлением зубов, первыми шагами, отнятием от груди, первой стрижкой волос, овладением речью, далее – с приобретением трудовых навыков. Целью последующих обрядов было магическое обеспечение ребенку счастья и успеха в жизни и особенно – своевременного удачного брака и рождения детей.

Библиографический список

1. Байбурун, А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов [Текст]. – СПб.: Наука, 1993. – 240 с.
2. Бернштам, Т. А. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян: учение и опыт церкви в народном христианстве [Текст]. – СПб.: «Петербургское востоковедение», 2000. – 400 с.
3. Веселова, З. Рождение и судьба [Текст] // Губернский дом. – 1996. – № 5. – С. 80–85.
4. Громыко, М. М. Мир русской деревни [Текст]. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 450 с.
5. Забылин, М. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия [Текст]. – М.: Русская книга, 1996. – 496 с.
6. Зеленин, Д. К. Восточнославянская этнография [Текст]. – М.: Наука, 1991. – 511 с.
7. Кабатов С. А. Duchovna kultura obyvateľstva stredovekej dediny na Kostromskom posrediy // Acta Historica Posoniensia I. Studie z dejin banictva a banskeho podnikania. Zbornik k životnému jubileu M. Skladaneho. Filozofickej fakulty Univerzity Komenskeho. – Bratislava, 2001 б. С. 137–149.
8. Кабатов, С. А. Этнокультурная история сельского населения Костромского края (до золотоордынского времени) [Текст] // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова : научно-методический журнал. – 2012 к. – № 1. – Том 18. – С. 317–320.
9. Кабатов, С. А. Этнокультурная история сельского населения Костромского края золотоордынского времени [Текст] // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова : научно-методический журнал. – 2013. – № 2. – С. 34–39.
10. Косвен, М. О. Кто такой крестный отец? [Текст] // Советская этнография. – 1963. – № 3. – С. 95–107.
11. Костомаров, Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа в XVI и XVII столетиях (очерк) [Текст]. – М.: Республика, 1993. – 301 с.
12. Лисшова, Т. А. Русские обряды, обычаи и поверья, связанные с повивальной бабкой (вторая половина XIX – 20-е годы XX в.) [Текст] // Русские: семейный и общественный быт. – М.: Наука, 1989. – 336 с.
13. Мирча Элиаде Миф о вечном возвращении [Текст]. – М.: Ладомир, 2000. – 414 с.

14. Носова, Г. А. Язычество в православии [Текст]. – М.: «Наука», 1975. – 150 с.
15. Романов, Б. А. Люди и нравы Древней Руси (Историко-бытовые очерки XI–XIII вв.) [Текст]. – М.; Л.: Наука, 1966. – 240 с.
16. Русский Север. Этническая история и народная культура XII–XX вв. [Текст]. – М., 2001. – 848 с.
17. Скворцов, А. Описание прихода Воскресенской церкви села Листья Юрьевецкого уезда [Текст] // Костромские Епархиальные ведомости. – 1887. – № 22.
18. Стоглав. Издание Д. Е. Кожанчикова [Текст]. – СПб., 1863. – 312 с.
19. Топорков, А. Л. «Перепекание» детей в ритуалах и сказках восточных славян [Текст] // Фольклор и этнографическая действительность / отв. ред. Б. Н. Путилов. – СПб., 1992. – С. 151–202.
20. Фрэнзер, Дж. Золотая ветвь [Текст]. – М.: Политиздат, 1983. – 703 с.
21. Шангина, И. И. Русские дети и их игры [Текст]. – СПб.: Искусство-СПб, 2000. – 296 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Bajburin, A. K. Ritual v tradicionnoj kul'ture. Strukturno-semanticheskiy analiz vostochnoslavjanskij obrjadov [Tekst]. – SPb.: Nauka, 1993. – 240 s.
2. Bernshtam, T. A. Molodost' v simbolizme perehodnyh obrjadov vostochnyh slavjan: uchenie i opyt cerkvi v narodnom hristianstve [Tekst]. – SPb.: «Peterburgskoe vostokovedenie», 2000. – 400 s.
3. Veselova, Z. Rozhdenie i sud'ba [Tekst] // Gubernskij dom. – 1996. – № 5. – S. 80–85.
4. Gromyko, M. M. Mir russkoj derevni [Tekst]. – M.: Molodaja gvardija, 1991. – 450 s.
5. Zabylin, M. Russkij narod, ego obychai, obrjady, predanija, sueverija i poezija [Tekst]. – M.: Russkaja kniga, 1996. – 496 s.
6. Zelenin, D. K. Vostochnoslavjanskaja jtnografija [Tekst]. – M.: Nauka, 1991. – 511 s.
7. Kabatov S. A. Duchovna kultura obyvateľstva stredovekej dediny na Kostromskom posrediy // Acta Historica Posoniensia I. Studie z dejin banictva a banskeho podnikania. Zbornik k životnému jubileu M. Skladaneho. Filozofickej fakulty Univerzity Komenskeho. – Bratislava, 2001 b. S. 137–149.
8. Kabatov, S. A. Jetnokul'turnaja istorija sel'skogo naselenija Kostromskogo kraja (do zolotoordynskogo vremeni) [Tekst] // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova : nauchno-metodicheskij zhurnal. – 2012 k. – № 1. – Tom 18. – S. 317–320.
9. Kabatov, S. A. Jetnokul'turnaja istorija sel'skogo naselenija Kostromskogo kraja zolotoordynskogo vremeni [Tekst] // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova : nauchno-metodicheskij zhurnal. – 2013. – № 2. – S. 34–39.
10. Kosven, M. O. Kto takoj krestnyj otec? [Tekst] // Sovetskaja jtnografija. – 1963. – № 3. – S. 95–107.
11. Kostomarov, N. I. Domashnjaja zhizn' i nrvy velikoruskogo naroda v XVI i XVII stoletijah (ocherk) [Tekst]. – M.: Respublika, 1993. – 301 s.
12. Lisshova, T. A. Russkie obrjady, obychai i pover'ja, svjazannye s povival'noj babkoj (vtoraja polovina XIX – 20-e gody XX v.) [Tekst] // Russkie: semejnij i obshhestvennyj byt. – M.: Nauka, 1989. – 336 s.
13. Mircha Jeliade Mif o vechnom vozrashhenii [Tekst]. – M.: Ladomir, 2000. – 414 s.
14. Nosova, G. A. Jazychestvo v pravoslavii [Tekst]. – M.:

«Наука», 1975. – 150 с.

15. Romanov, B. A. Ljudi i nrawy Drevnej Rusi (Istoriko-bytovye ocherki XI–XIII vv.) [Tekst]. – M. ; L.: Nauka, 1966. – 240 s.

16. Russkij Sever. Jethnicheskaja istorija i narodnaja kul'tura XII–XX vv. [Tekst]. – M., 2001. – 848 s.

17. Skvorcov, A. Opisanie prihoda Voskresenskoj cerkvi sela List'ja Jur'eveckogo uezda [Tekst] // Kostromskie Eparhial'nye vedomosti. – 1887. – № 22.

18. Stoglav. Izdanie D. E. Kozhanchikova [Tekst]. – SPb., 1863. – 312 s.

19. Toporkov, A. L. «Perepekanie» detej v ritualah i skazkah vostochnyh slavja [Tekst] // Fol'klor i jethnograficheskaja dejstvitel'nost' / otv. red. B. N. Putilov. – SPb., 1992. – S. 151–202.

20. Frjezer, Dzh. Zolotaja vetv' [Tekst]. – M.: Politizdat, 1983. – 703 s.

21. Shangina, I. I. Russkie deti i ih igry [Tekst]. – SPb.: Iskusstvo-SPB, 2000. – 296 s.

¹ Достаточно вспомнить серию фигурок «неолитических Венер», период бытования которых, по разным оценкам, варьируется от 12000 до 25000 лет. Как правило, это фигурки, не имеющие выраженных черт лица, но с акцентированной, часто гипертрофированной, тазовой частью женского тела.

² Считалось, что эти действия не позволят хозяевам «инога мира», из которого «пришел» новорожденный, соединить пришедшего с миром запредельным и забрать его назад. Другими словами, для предотвращения воздействия «инными» силами на ребенка или его родителей уничтожался своего рода «канал» связи, мост.

³ «Произвести любое желаемое действие путем простого подражания ему».

⁴ Желательно, чтобы эти предметы имели ранее контакт с роженицей или были ей знакомы, чтобы существовала определенная связь, позволяющая воздействовать на женщину.

⁵ Источник боли.

⁶ Последние олицетворялись с предметами, вступающими в контакт с бытовой, возможно, «нечистой» силой, персонификация которой происходит в процессе христианизации, когда часть богов языческого пантеона трансформируется и видоизменяется до формы и состояния неких бытовых домашних духов.

⁷ В данном случае первостепенную роль играл материал, из которого он был изготовлен, затем имелась в виду его функциональная нагрузка или область применения.

⁸ Имеются в виду «темные» и «светлые» силы.

⁹ Как правило, самой роженицы или вновь родившегося младенца.

¹⁰ Смысл использования таких предметов – уколоть того, на кого направлено данное действие, отогнать, отпугнуть.

¹¹ Крещение символизирует мистическое погребение и воскресение с Христом, и внешним знаком этого является погружение крещаемого в воду купели и последующее появление из воды. Погружаясь в воду, «ветхий человек» умирает и дает жизнь новому, возрожденному существу. Эта символика замечательно отражена Иоанном Златоустом, который пишет о многозначной символике крещения следующее: «Оно –

смерть и гробница, жизнь и воскресение... Когда мы окунаемся с головой в воду, как в могилу, ветхий человек погружается в нее целиком и тонет в ней, а когда выходим из воды, на его месте появляется новый человек...» (Мирча Элиаде, 2000. С. 228).

¹² Огонь, являясь источником возгорания, в деревянных постройках в целях противопожарной безопасности использовался крайне редко. Как правило, его заменял дым, подразумевающий по своей природе огненную стихию.

¹³ Носова Г. А. Язычество в православии. – М., 1975. – С. 82.